

Валеологический потенциал привязанности к дому у взрослых людей¹

Резниченко С.И.,

кандидат психологических наук, научный сотрудник Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва, Россия, sofya_292@list.ru

---

В статье обсуждается роль субъектно-средового взаимодействия – а именно отношений человека с его домом – в поддержании психологического здоровья личности. В качестве ключевого конструкта, отражающего меру любви и предпочтения человеком дома другим местам, предлагается рассматривать феномен привязанности к дому. До сих пор взаимосвязи между привязанностью к дому и психологическим здоровьем человека – и тем более анализ этих взаимосвязей на разных стадиях жизненного пути человека – являлись объектом лишь теоретических и житейских построений, что является основанием в пользу их эмпирического исследования. Привязанность к дому измерялась при помощи авторского одноименного опросника (Резниченко и др., 2016). Также исследовались компоненты психологического здоровья – психологическое благополучие (при помощи Шкалы психологического благополучия Варвик–Эдинбург Р. Теннант и коллег), чувство связности (Шкала чувства связности А. Антоновского) и аутентичность (Шкала аутентичности А. Вуда и соавторов). В исследовании участвовали взрослые респонденты (N=203; возрастной диапазон 18–60 лет; $M_{\text{возраст}}=33,7$; $SD_{\text{возраст}}=7,2$), условно разделенные на три возрастные группы: юношеского возраста, периодов ранней и средней зрелости. Полученные результаты позволили заключить, что привязанность к дому является ресурсом психологического здоровья, при этом в большей степени она поддерживает чувство связности и психологическое благополучие и в меньшей – переживание аутентичности. Обнаружено, что взаимосвязи между привязанностью к дому и психологическим здоровьем отличаются возрастной лабильностью: они наиболее интенсивны в юности, к периоду ранней зрелости становятся несущественными, а к периоду средней зрелости снова становятся значимыми. Полученные результаты обсуждаются в контексте жизненного пути и возрастных задач развития личности.

Ключевые слова: привязанность к дому, домашняя среда, психологическое здоровье, чувство связности, психологическое благополучие, аутентичность.

---

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-02163).

Для цитаты:

Резниченко С.И.. Валеологический потенциал привязанности к дому у взрослых людей [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2016. Том 5. № 3. С. 1–23. doi: 10.17759/psyclin.2016050301

For citation:

Reznichenko, S.I. Valeological Potential of Home Attachment in Adults [Elektronnyi resurs]. Clinical Psychology and Special Education [Klinicheskaja i spetsial'naja psikhologija], 2016, vol. 5, no. 3. pp. 1–23. doi: 10.17759/psycljn.2016050301 (In Russ., abstr. in Engl.)

Введение

Понятие «психологическое здоровье» не поддается формализованному толкованию, поскольку является многомерным, вписанным в контекст жизни, культуры и истории, персонифицированным, динамичным состоянием личности. Векторы изучения психологического здоровья столь же разнонаправленны и многочисленны, сколько дисциплин и подходов к его изучению существует. Так, классическая, в частности, клиническая психология больше ориентирована на изучение проблем психологического нездоровья и профилактику дезорганизации функциональных процессов и дезинтеграции личности, а также на решение прикладных вопросов поддержания психического и опосредованно психологического здоровья. Салютгенетическая парадигма, наоборот, придерживается изучения позитивных вариантов формирования психологического здоровья и развития его арсенала: копингов, стрессоустойчивости, жизнестойкости и других факторов. В субъектной психологии психологическое здоровье рассматривается как отражение целостности, субъектности, продуктивности личности и часто описывается как акмеологическая категория, представляющая собой мощный ресурс для самоинтеграции и универсализации. В гуманистической психологии психологически здоровый человек – верный самому себе, своим желаниям и помыслам, реализующий свой потенциал и полноценно функционирующий человек [21]. К общим для всех теорий определениям и свойствам психологического здоровья относятся следующие: 1) оно определяет позитивное, гармоничное, творческое функционирование личности; 2) является условием личностного роста, становления субъектности, реализации своего потенциала, актуализации личностных ресурсов для решения жизненных задач; 3) является сложной, динамичной системой, включающей эмоционально-когнитивный (гедонистический), потребностно-мотивационный (эвдемонистический) и функциональный (инструментальный) компоненты [20]; 4) психологически здоровый человек жизнестойкий и адаптивный, целостный, гибкий, аутентичный, активный, творческий и созидающий, счастливый, рефлексивный, ставящий цели и достигающий их; его жизнь осмысленна и управляема. Под психологическим здоровьем мы будем понимать «состояние субъективного, внутреннего благополучия личности, обеспечивающее оптимальные возможности ее эффективного взаимодействия с окружающими объективными условиями, другими людьми и позволяющее ей свободно реализовывать свои индивидуальные ресурсы» [12, с. 29].

Психологическое здоровье поддерживается широким спектром субъектно-бытийных и средовых факторов, позволяющих развить, сбалансировать и интегрировать все сферы человеческого «я»: это люди и система отношений с ними; это индивидуальные и личностные свойства, установки, ценности и мировоззрение. Наконец, это средовые условия и субъектно-средовые отношения, на роли которых в поддержании психологического здоровья мы остановимся подробнее [9].

Дом и привязанность к нему как ресурсные факторы человеческого бытия: теоретический анализ

Одной из наиболее значимых жизненных сред для получения опыта и развития, любви, защиты и сил является дом. О доме как об источнике здоровья, гармонии и умиротворения говорит народное творчество («В гостях хорошо, а дома лучше», «Каково на дому, таково и самому», «Хозяин в дому, что медведь в бору», «В родном доме и стены помогают»). Художественное искусство описывает образ дома как родовое гнездо и элемент взаимодействия поколений (например, в классической русской литературе), обеспечивающий переживание самопреемственности, а также как часть сокровенного Я, объект идентификации, в котором разворачивается история жизни человека. В прикладном аспекте исцеляющее и адаптивное значения дома отражены в распространенности всякого рода духовно-медитативно-оздоровительных «домашних» практик (Фэн-шуй, Родолад и т.п.). И конечно, в общей тенденции сосредоточивать и организовывать жизнь человека в непосредственной близости от дома. Так, за последние пару десятков лет все чаще дети стали рождаться и обучаться дома как в месте, далеком от врачебных ошибок или буллинга; все активнее люди ищут удаленную работу, позволяющую экономить энергию, силы и здоровье; и даже медицинские и социальные работники теперь нередко рекомендуют амбулаторное сопровождение и лечение или, например, паллиативную помощь на дому, признавая эффективность лечения, абилитации и реабилитации в привычных и эмоционально положительных условиях дома.

Специфика отношений человека с его домом, диктующая их валеологическую ценность, заключается, во-первых, в *постоянстве*: взаимодействие с онтологическим пространством дома сопровождает человека всю жизнь вне зависимости от того, находится ли он в границах жилого пространства здесь и сейчас или же разлучен с домом. Образ дома и отношение к нему есть всегда, даже тогда, когда человек теряет дом или разлучен с ним. Во-вторых, взаимодействие с домом *вписано в контекст жизни личности, а потому динамично*. Отношение человека к дому отражает его социальные и личностные устремления, ожидания и мотивы, диктуемые теми жизненными задачами, которые перед ним стоят; оно определяется мерой соответствия функций и смыслов дома деятельности, потребностям и целям субъекта, которые в свою очередь зависят от стадии жизненного пути. Наконец, отношение человека к дому *может проявляться разнообразным спектром эмоций*: от любви, удовольствия и гордости до негодования, раздражения и неприятия. В свою очередь, это эмоциональное отношение формирует деятельностные установки в отношении дома: в позитивном варианте – бережное и созидательное поведение, а в худшем случае – разрушающее

поведение, например, порча имущества, нарушение домашних правил, неуважение к домочадцам.

В зарубежной средовой и экологической психологии начиная с 70-х годов прошлого столетия активно изучается ставший самостоятельным феномен привязанности к месту (place attachment), в котором раскрывается функциональная, эмоциональная и символическая значимость для человека его реального жизненного пространства [14; 30; 32]. На наш взгляд, позитивное отношение человека к его дому уместно описывать при помощи феномена *привязанности к дому*. Привязанность к дому отражает положительное эмоциональное отношение человека к тому месту, которое он считает домом, как к родному и близкому. Проявление привязанности на эмоциональном уровне проявляется в предпочтении дома другим местам, а на уровне поведения привязанность к дому раскрывается в стремлении человека находиться вблизи дома, заниматься в нем различной деятельностью и возвращаться в него.

При этом привязанность к дому, являясь результатом субъект-объектного взаимодействия, мотивируется комплексом средовых и субъектных факторов [13]. Так, привязанность к дому определяется функциональным потенциалом и дружелюбностью дома – функциональными характеристиками домашней среды, которые удовлетворяют разноуровневые потребности человека, например, в отдыхе, личном пространстве, бытовых удобствах и позволяют разнообразные виды релевантной для человека активности в доме (от возможности принимать ванну до условий, позволяющих, например, заниматься творчеством). Также привязанность к дому задается личностными смыслами (например, дом как метафора личности, как часть автобиографии или как объект идентификации), а также эмоциями, которые образ дома порождает у своего обитателя.

Несмотря на очевидность того, что привязанность к дому не может не влиять на психологическое здоровье личности, специфика этого влияния парадоксальным образом до сих пор не изучалась [15]. И более того, отсутствуют стандартизированные методы исследования самого феномена привязанности к дому. Между тем в психологии среды, гуманитарной географии и рекреационной психологии имеется богатая фактология о влиянии привязанности к значимому для человека месту (в качестве таких мест обычно изучаются более крупные территориальные единицы – парк, район, город, страна) на позитивное функционирование личности [22; 30]. Рассматривая дом как объект привязанности, обладающий теми же свойствами, что и любое другое жизненное пространство (место), мы считаем правомерным приписывать феномену привязанности к дому функции, механизмы и характеристики аналогичные тем, которые составляют феномен привязанности к месту.

В литературе преимущественно рассматривается позитивный вклад привязанности к месту в психологическое здоровье. Например, исследовано, что привязанность к жилой среде позитивно взаимосвязана с удовлетворенностью качеством жизни [22], психологическим благополучием [36], личностным развитием [37] и т.п. Тем не менее сразу отметим, что привязанность к дому, как и другие формы привязанности, может быть иррациональной, дисфункциональной или

небезопасной для ментального здоровья и целостности личности. Например, сильная зависимость от своего дома усиливает ригидность аттитюда в отношении других мест жизнедеятельности и может препятствовать свободе действий человека, ограничивать его активность и развитие в целом. Привязанность к жилой среде и ревностное отношение к ней могут провоцировать и социальные конфликты, связанные в первую очередь с критикой и оценкой действий и поведения других людей (особенно чужаков) в отношении среды как неприемлемых и оскверняющих. Более того, неоднократно доказано, что сильная привязанность к среде проживания сродни «слепой любви» и может косвенно угрожать жизни человека: так, привязанные к своему жилищу или городу люди часто отказываются покидать его даже в случаях, когда это место проживания подвергается природным катаклизмам, либо находится в зоне военных действий [24].

Какие же благоприятные для психологического здоровья функции выполняет привязанность к дому? Наиболее часто упоминаемые в литературе функции привязанности к месту сводятся к обеспечению психологической безопасности, поддержке саморегуляции и целедостижения, поддержке идентичности, временной и личностной преемственности. Мы предполагаем, что эти функции правомерно приписывать и феномену привязанности к дому.

1) *Безопасность и адаптация.* Так, функциональная привязанность к дому, которая формируется тогда, когда дом дает человеку физические ресурсы (пищу, воду, укрытие, пространство деятельности), способствует структурированию знаний о том, как эти ресурсы использовать себе во благо, повышает прогнозируемость, управляемость и узнаваемость жилища, что в свою очередь обеспечивает чувство безопасности и переживание собственной неприкосновенности [40]. По мнению Р. Соммера, персональное пространство обеспечивает не только суверенность ценностей и телесности человека, но и предметов, находящихся в его распоряжении [38]. Таким образом, ощущение безопасности в доме складывается не только и не столько за счет физических атрибутов (ограждений, дверей, укромных мест и «пунктов наблюдения»), сколько за счет знания свойств домашнего пространства и его наполнения (в том числе социального) и возможности предвосхищать позитивные и негативные ситуации в доме и эффективно управлять ими.

Эмоциональная связь с домом сама по себе не снабжает человека какими-либо ресурсами, обеспечивающими безопасность, но наше отношение к дому на психологическом уровне «обещает» нам его безопасность: любимый и привычный дом ассоциируется с защищенностью, безопасностью и подконтрольностью. Это предположение возникает из самой теории привязанности: мать не удовлетворяет психологические потребности ребенка, например, в безопасности, она лишь «напоминает» своим поведением о том, что основные потребности будут удовлетворены; она ассоциируется у ребенка с безопасностью, но не является самим источником безопасности. Однако многие экологические психологи утверждают, что привязанность к месту (а значит, привязанность к дому тоже) является непосредственным ресурсом безопасности. Например, люди, удовлетворенные местом проживания и испытывающие близость по отношению к своей среде жизнедеятельности, в большей мере, чем слабо привязанные к среде люди,

ощущают себя в безопасности, даже когда эта среда находится в зоне военных действий, что позволяет им быстрее адаптироваться [24]. Ориентация на поддержание близкой и неразлучной связи с местом чаще возникает у людей больше всего нуждающихся в безопасности и поддержке (социально ослабленные группы населения, беременные женщины, больные люди), что подчеркивает прямую связь между местом привязанности и чувством безопасности [29]. Кроме того, привязанность к дому облегчает социокультурную адаптацию, а именно поддерживает такие значимые для психологического здоровья факторы, как чувство принадлежности, сплоченность, идентификацию с ритуалами и традициями домашней среды и с местной культурой в целом [25].

2) *Саморегуляция и целедостижение.* Привязанность к дому поддерживает процессы саморегуляции, а также помогает человеку в *достижении поставленных целей.* Очень часто оказывается так, что человек расположен к определенной среде и функционально зависим от нее, потому что она дает ему ресурсы и позволяет осуществлять необходимые виды деятельности для достижения своих целей и желаний: так, например, люди, занимающиеся и зарабатывающие художественным искусством (художники, ремесленники, композиторы и т.п.), стремятся жить за городом, в уединении, имея возможность обращаться за вдохновением к природе. Привязанность к дому также обеспечивает структурирование взаимоотношений с социальным миром через *регуляцию личностных границ.* Основными «средством» при этом является *персонализация* домашнего пространства: «процесс создания “своей” территории, который заключается в “оличивании” некоторого ближайшего окружения, проекции личности на территорию, с помощью чего достигается уверенность и защищенность» [19, с. 9]. При этом основная функция персонализации пространства – возможность продемонстрировать свою индивидуальность окружающим людям и показать внешнему миру границы своего частного пространства жизнедеятельности, сохранить и укрепить самого себя [19; 38]. Исследования персонализации показывают, что на своей территории человек ведет себя более естественно и раскованно, а вторжение в личное пространство воспринимается как фрустрирующий фактор. Исследован положительный эффект персонализации на психологическое состояние: человек тем более тревожен, эмоционально лабилен и психологически неустойчив, чем меньше его пространство жизнедеятельности приватно и персонализировано [26].

Привязанность и уважение к домашнему пространству и домочадцам задают почтительное, *протекционное и сообразное целям поведение:* это очевидно на примере того, как внимательно, проэкологично, а иногда и ревностно человек относится к своему дому и к его содержанию. А, например, соседская привязанность способствует тому, что человек в меньшей степени оказывается склонен к антисоциальному поведению и криминальным действиям и в то же время на порядок меньше боится оказаться жертвой преступников в своем районе [25]. Привязанность к дому способствует процессу саморегуляции также и потому, что дом обладает «оздоравливающими» качествами: вселяет чувство безопасности и комфорта, напоминает об успехе прошлых лет, связан с социальной поддержкой родных людей, способствует саморефлексии, решению проблем и снятию стресса [34], дает возможность планировать цели и организовать завтрашний день.

3) *Преемственность и идентификация.* Еще одна выделяемая нами функция привязанности к дому заключается в том, что она обеспечивает личностную и временную преемственность и самоидентификацию как ощущение целостности, самопринятие Я-образа во всех своих свойствах, качествах и отношениях к окружающему миру. Под самопреемственностью здесь мы понимаем осознанное ощущение и принятие собственной уникальности; понимание себя в контексте непрерывности бытия и понимание связности прошлого и будущего Я-образа. Эта функция прежде всего связана с процессом идентификации с домом – оценкой человеком дома как подходящего его индивидуальности, «своего», как значимой части Я-образа [34]. Часто для человека оказывается важным, чтобы среда соответствовала его жизненным ценностям (в экологической психологии этот феномен получил название «конгруэнтность места, поддерживающая самость человека» (“place-congruent continuity”) [41]. Хорошей иллюстрацией соответствия жилой среды индивидуальности человека может быть распространенный в последнее время феномен самоорганизованного кохаузинга, при котором собирается группа единомышленников, проектирующих свой дом с учетом совместных ценностей, интересов, образа жизни и т.п. Поэтому кохаузинг проектируют с учетом большого процента пространств общего пользования, где эти интересы и стиль жизни могут быть реализованы.

Связь с домом обеспечивает также и временную преемственность через эмоциональную привязанность к этой среде, которая остается символически значимой в воспоминаниях о прошлом и в мечтах о будущем. Например, человек может быть привязан к тому дому, где прошло его детство или который напоминает ему об ушедших из его жизни близких людях. Функциональная привязанность к физическим параметрам дома поддерживает преемственность через пространственно-предметные характеристики (фотографии, дневники, детали интерьера, мебель и т.п.), напоминающие человеку об определенных эпизодах его жизни или позволяющие ему сравнить свое настоящее и прошлое Я [41]. Эти пространства и вещи представляют собой часть личной истории человека.

Итак, экстраполируя валеологическую ценность феномена привязанности к месту на предлагаемый нами конструкт привязанности к дому, гипотетически можно заключить, что привязанность к дому имеет адаптивное, регулирующее и пособляющее значения в жизни человека, которые актуализируются и на социальном, и на личностном, и на физическом уровнях.

Более того, принимая во внимание неоднократно упоминаемый ранее факт динамичности и контекстуальности отношения человека с домом, мы предполагаем, что вклад привязанности к дому в психологическое здоровье у людей разного возраста будет варьироваться.

Возрастоспецифичность влияния привязанности к дому на психологическое здоровье как исходная гипотеза эмпирического исследования

В психологии развития отмечается, что взаимосвязи между субъектом и средой носят динамичный и зигзагообразный характер (В.В. Знаков, Л.Ф. Обухова, Е.А. Сергиенко, Л.В. Смолова, Н.Е. Харламенкова, У. Бронфенбреннер): наиболее

сильное объектное воздействие обнаруживается в детском и подростковом, а также в пожилом возрастах, в то время как в молодом (юношеском) и в период средней взрослости возрастает субъектность отношений человека и среды, при которой человек воздействует на среду, выбирает, моделирует, управляет ей [18]. Разумеется, это положение справедливо и для отношений человека с домом. Так, в наших исследованиях было показано, что у подростков и людей пенсионного возраста привязанность к дому гораздо сильнее сопряжена с разнообразными функциональными характеристиками домашней среды, чем в другие возрастные периоды [16].

По мнению К. Лийк, «осознанное средообразование» с учетом возрастных, онтогенетических, гендерных и других особенностей является ведущим средством поддержки всестороннего развития личности и позволяет формировать требуемое функциональное качество среды – развивающую, терапевтическую, стимулирующую, рекреационную и т.п. [7]. Таким образом, можно предположить, что степень влияния привязанности к дому на различные компоненты психологического здоровья будет неодинакова в разные периоды жизни. Логика этих взаимосвязей достаточно проста. На каждом жизненном этапе определенные характеристики домашней среды, равно как и смыслы дома вообще становятся ресурсом для решения возрастных задач развития. Ресурсность дома в тот или иной период жизни зависит от общих закономерностей развития всех сфер личности, а особенно – мотивационно-потребностной и ценностной.

Например, в юношеском возрасте благоприятствующей для позитивного функционирования будет такая домашняя среда, которая способствует саморазвитию и становлению личностной и социальной идентичностей, допускающая уединение, персонализацию, самовыражение через среду [16]. В период средней взрослости возрастные задачи и, соответственно, потребностный профиль связаны с профессиональной и трудовой деятельностью и с заботой о семье и потомстве [31], в связи с чем поддерживающая психологическое здоровье среда должна обеспечивать отдых, комфорт, быть простой в уходе и легкой в пользовании ею. В зрелом возрасте – в период расцвета и интеграции личности и расширения чувства Я как главных возрастных задач [3] – функции и значения дома обладают особым синергическим потенциалом для развития и поддержания целостности личности, поскольку у зрелого человека сформирована четкая картина того, какой по функциональности должна быть среда и какие личностные смыслы она должна поддерживать. Вместе с тем взаимодействие с другими средами уменьшается. Исследователи отмечают, что для зрелого человека особенно важно, чтобы среда поддерживала его соматическое здоровье, не вызвала экологический стресс (дискомфорт, связанный с возрастными сложностями управления средой), была предсказуемой, способствовала творческому и личностному развитию, обеспечивала эмоциональную безопасность, не интерферировала с жизненной философией, которая является неотъемлемым атрибутом зрелой личности [35].

Эти теоретические рассуждения позволили сформулировать **цель** нашего эмпирического исследования – изучить взаимосвязи между привязанностью к дому и психологическим здоровьем личности в возрастной перспективе.

В нашем исследовании мы проверяли следующие **гипотезы**:

- 1) привязанность к дому и психологическое здоровье личности положительно взаимосвязаны;
- 2) взаимосвязи между привязанностью к дому и психологическим здоровьем людей разных возрастных периодов носят нелинейный характер;
- 3) вклад привязанности к дому в разные компоненты психологического здоровья (психологическое благополучие, чувство связности и аутентичность) зависит от этапа жизненного пути человека.

Методики и процедура исследования

Выше уже отмечалось, что изучение влияния привязанности к дому на психологическое здоровье человека затруднено отсутствием как в отечественной, так в зарубежной психологии среды методического инструментария, позволяющего измерить эмоциональную связь человека с домом. В одной из наших предыдущих работ подробно описан опыт создания и стандартизации *шкального метода оценки привязанности к дому* [17]. Разработанный нами опросник «Привязанность к дому» включает 14 прямых утверждений о доме как о родном и близком месте, которое соответствует образу жизни и мировоззрению своего обитателя, упорядочивает и направляет жизнь и становится объектом идентификации, например: «Мой дом значит очень много для меня», или «Я получаю большее удовлетворение, находясь в собственном доме, нежели в других местах», или «Я готов(а) вкладывать силы и душу в дом, где я живу». Респондентам предлагается оценить степень согласия с этими утверждениями по 5-балльной шкале Лайкерта. Структура опросника включает одну шкалу, которая отражает общий уровень привязанности и эмоциональной близости человека с его домом. Опросник прошел необходимые этапы стандартизации и был валидизирован на достаточно больших выборках респондентов (N=417) разных возрастов, пола и из различных регионов России.

Для исследования компонентов психологического здоровья – психологического благополучия, аутентичности, и жизнестойкости – использовались следующие **методики**.

Шкала психологического благополучия (ШПБ) Варвик–Эдинбург (The Warwick–Edinburgh Mental Well-being Scale, WEMWBS), оригинальная версия которой разработана Р. Теннарт и соавторами [39]. Методика включает 14 утверждений о психологическом состоянии и переживании человеком ощущения удовлетворенности жизнью, собой и социальным взаимодействием за последние 2 недели. Мера согласия с утверждениями оценивается по 5-балльной шкале, которая отражает частоту проявления тех или иных чувств и мыслей. Все утверждения имеют позитивную формулировку и охватывают большинство компонентов психического благополучия – позитивное функционирование, переживание счастья и удовлетворенности жизнью, положительное социальное взаимодействие. Однако шкала не отражает такие личностные свойства, как духовность, самооценку и жизненные цели человека, а также стержневые компоненты психологического здоровья – самопринятие и аутентичность.

В качестве дополнительного эмпирического компонента психологического здоровья мы выбрали Чувство связности (Sense of coherence), концепт и одноименный опросник, разработанные израильским социологом А. Антоновским в 70-х годах в рамках салютгенетической парадигмы. Чувство связности – направленность личности к самостоятельному активному поиску средовых факторов (в том числе и физической среды), способствующих обретению и поддержанию психологической устойчивости, которая помогает человеку справляться с трудными жизненными ситуациями, отношениями и другими стрессогенными факторами [28]. Таким образом, Чувство связности – коррелирует стрессоустойчивости и жизнестойкости и предиктор физического и психологического здоровья. Русскоязычный опросник Чувства связности (переведенная М.Н. Дымшицем и валидизированная Е.Н. Осиным) имеет однофакторную структуру, определяемую 27 пунктами, включающими два альтернативных утверждения про отношение человека к себе, своей жизни и к возможностям внешней среды, степень согласия/несогласия с которыми оценивается по 7-балльной шкале [11].

Чтобы создать более объективную картину связей между отношением человека к дому и таким многосоставным эмпирическим конструктом как психологическое здоровье, мы расширили наш методический арсенал и включили в него Шкалу аутентичности А. Вуда и соавторов в адаптации В.А. Бардадымова [42; 2]. Вслед за авторами шкалы и гуманистами, под аутентичностью мы понимаем реалистичное осознание и принятие человеком собственной самости и переживание тождественности самому себе, обуславливающие эффективное личностное и социальное функционирование. Шкала аутентичности содержит 12 утверждений, оцениваемых по 7-балльной шкале и описывается тремя субшкалами. Субшкала Аутентичная жизнь отражает способность человека оставаться самим собой в разных жизненных ситуациях и жить в соответствии со своими ценностями и убеждениями. Субшкала Самоотчужденность описывает степень рассогласования между истинной самостью (Я-реальное) и осознанной репрезентацией идеального Я-образа (Я-идеальное), основным «симптомом» которой являются непонимание и непринятие себя и своих поступков. Наконец, субшкала Подверженность средовому влиянию отражает меру влияния социума на самость человека и его убежденность в том, что он должен соответствовать ожиданиям окружающих. Таким образом, субшкала Аутентичность жизни находится в контрадикторных отношениях с последними двумя [42].

В исследовании принимали участие 203 человека в возрасте от 18 до 60 лет ($M_{\text{возраст}}=33,7$; $SD_{\text{возраст}}=7,2$), жителей г. Москвы, являющихся собственниками жилого пространства, либо проживающих в квартирах ближайших родственников. Выборка была разделена на три условные возрастные группы.

1) Молодые люди – студенты столичных вузов ($N=74$; возрастной диапазон 18–24 года; $M_{\text{возраст}}=20,4$; $SD_{\text{возраст}}=1,29$; 72% респондентов женского пола). В статье для удобства мы будем именовать этот возрастной период *юностью*. Выделяя эту группу, мы основывались на предположении о том, что влияние привязанности к дому на психологическое здоровье будет не столь существенно, как у людей старшего возраста, поскольку молодые люди достаточно автономны от

собственного дома (уже могут его покидать без разрешения ближайшего окружения, но еще не «обросли» обязанностями и ответственностью перед семьей) и часто проводят время в замещающих средах (в гостях у друзей, на территории общежития, на различных университетских мероприятиях, предоставляющих временное жилье).

2) Респонденты периода *ранней взрослости* (N=67; возрастной диапазон 25–39 лет; $M_{\text{возраст}} = 31,1$; $SD_{\text{возраст}} = 4,54$; 64% респондентов женского пола). В данную группу вошли работающие или занятые домашним хозяйством респонденты, преимущественно имеющие семьи и детей. Мы предполагали, что взаимосвязи между привязанностью к дому и психологическим здоровьем в период ранней взрослости могут носить амбивалентный характер. Эта пора связана с обретением собственной семьи, уходом из родительского дома, с выстраиванием отношений, границ, правил и распорядка жизни в своем доме с членами своей семьи, с вопросами обеспечения своего дома и своей семьи. И от того, насколько успешно решаются все эти вопросы, будут зависеть сила и валентность отношений привязанности к дому и позитивного функционирования личности.

3) Респонденты периода *средней взрослости* (N=62; возрастной диапазон 40–60 лет; $M_{\text{возраст}} = 49,3$; $SD_{\text{возраст}} = 4,67$; 56% респондентов женского пола). В этой группе 68% респондентов проживают отдельно от своих детей и являются единственными жильцами в домашней среде, либо проживают вдвоем с супругом. Также отметим, что подавляющее число респондентов проживают в своем доме более 10 лет. Мы допускали, что в этот период жизни люди устойчивы в оценке отношений к собственному дому, а роль привязанности к дому в поддержании психологического здоровья наиболее значима по сравнению с другими рассматриваемыми нами возрастными периодами. Это допущение строилось на представлении о том, что в зрелом возрасте бытовые потребности наиболее дифференцированы, при этом у человека сохранены физические, психологические, социальные и экономические ресурсы, чтобы формировать конгруэнтную своим нуждам и ожиданиям домашнюю среду, поддерживающую разноуровневые потребности. Поскольку люди данного возрастного периода преимущественно живут одни или с человеком приблизительно такого же возраста (например, супругом), то в отношении обустройства и образа жилой среды ситуации конфликта интересов сведены к минимуму, что позитивно сказывается как на привязанности к дому, так и на психологическом здоровье.

Участие в исследовании было анонимным, добровольным, не регламентированным по времени и проходило в форме «карандаш–бумага» и в форме онлайн-опроса.

Результаты и их обсуждение

Для того чтобы проверить предположение о том, что привязанность к дому находится в реципрокных отношениях с различными индикаторами психологического здоровья, мы прибегли к методу ранговой корреляции Ч. Спирмена. Наиболее статистически значимые положительные связи были обнаружены между привязанностью к дому и чувством связности (при $p \leq 0,001$), а также психологическим благополучием (при $p \leq 0,05$). При этом привязанность к

дому гораздо слабее связана с компонентами аутентичности: так, аутентичная жизнь вообще не коррелирует с привязанностью, а подверженность средовому влиянию и самоотчужденность отрицательно взаимосвязаны с привязанностью лишь в тенденции (при $p \leq 0,1$) (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Взаимосвязи между привязанностью к дому
и компонентами психологического здоровья (N=203)**

Показатели	Компоненты психологического здоровья				
	ПБ	ЧС	АЖ	ПСВ	СО
r_{spearman}	0,216	0,283	-	0,183	0,196
p	0,048	0,001	-	0,078	0,067

Примечание: ПБ – психологическое благополучие; ЧС – чувство связности; АЖ – аутентичная жизнь; ПСВ – подверженность средовому влиянию; СО – самоотчужденность.

Таким образом, привязанность к дому прежде всего представляет собой ресурс для обретения жизнестойкости и в принципе адаптивности. Высокая значимость взаимосвязей между рассматриваемыми параметрами, на наш взгляд, может аргументироваться тем, что чувство связности больше, чем другие показатели психологического здоровья, сопряжено с оценкой человеком его жизненной среды – всех тех предметно-пространственных и социальных возможностей дома, которые благоприятствуют совладанию со стрессом и трудными жизненными ситуациями. В то время как психологическое благополучие отражает преимущественно осознание личностных ресурсов (многообразие которых, вероятно, гораздо шире, чем средовых), позволяющих полноценно функционировать и жить в согласии с собой.

Во взаимосвязях привязанности к дому и подверженности средовому влиянию можно разглядеть тыловую функцию дома: человек, любящий свой дом, ценящий его смыслы и функции и стремящийся находиться в нем, обладает дополнительной поддержкой для того, чтобы противостоять энергозатратному и не всегда соответствующему стремлению быть сопричастным, аффилированным и социально привлекательным. Действительно, любимый угол, налаженный быт и эмоционально теплые отношения с домочадцами позволяют быть собой, жить в умиротворении, не гонясь за одобрением малозначимых людей [27]. Равно как и благополучная привязанность (как это было показано еще в классической теории привязанности) редко сочетается с самоотчужденностью и неприятием себя [23].

Следующий эмпирический шаг заключался в том, чтобы рассмотреть возрастную специфику взаимосвязей отношения человека к дому и его психологического здоровья. Корреляционно-регрессионный анализ позволил заключить, что привязанность к дому на разных стадиях жизненного пути вносит разный вклад в психологическое здоровье человека. Наиболее сильные положительные связи были обнаружены у молодых людей поры студенчества. Привязанность к дому у них поддерживает и жизнестойкость (при $p \leq 0,001$), и

психологическое благополучие (при $p \leq 0,05$), хотя и не влияет на переживание аутентичности (см. таблицу 2). Этот результат может быть объяснен следующим образом: эпоха студенчества связана с социальным и физическим напряжением и с серьезными нагрузками в профессионально-учебной деятельности, к которой многие молодые люди оказываются не готовы и испытывают психологическое неблагополучие [4]. Учитывая ориентированность поздней юности на удовлетворение гедонистических потребностей и потребностей в стабильности [1], дом для молодых людей становится ресурсом для комфортного отдыха, источником поддержки и тихой гаванью. Кроме того, как показывают результаты других исследований, в старшем подростковом и юношеском возрастах результирующими факторами психологического здоровья признаны эмоциональное благополучие [6], автономность и интеграция свободы действий и помыслов и ответственность за них [10]. Очевидно, что дом является первостепенным источником устойчивого эмоционально-комфортного состояния человека. В свою очередь, автономность также формируется в домашней среде (складывается система прав и обязанностей), а поддерживается за пределами дома в других социальных институтах (как интеграция свободы и ответственности).

Таблица 2

Взаимосвязи и вклад привязанности к дому в компоненты психологического здоровья на разных возрастных этапах

Возрастной период (лет)	Показатели	Компоненты психологического здоровья				
		ЧС	ШПБ	АЖ	ПСС	СО
Юность (18–24)	r_s	0,311***	0,241**	-	-	-
	β	0,298***	0,237**			
Ранняя взрослость (25–40)	r_s	-	-	-	-	-0,169*
	β	-	-	-	-	-0,161*
Средняя взрослость (41–55)	r_s	0,232**	0,210**	-	-0,194**	
	β	0,218**	0,198**	-	-0,183**	

Примечание: ПБ – психологическое благополучие; ЧС – чувство связности; АЖ – аутентичная жизнь; ПСВ – подверженность средовому влиянию; СО – самоотчужденность. * – связи значимы в тенденции при $p \leq 0,1$; ** – связи значимы при $p \leq 0,05$; *** – связи значимы при $p \leq 0,001$.

В эпоху ранней взрослости, в противовес нашим ожиданиям, привязанность к дому оказывает наименьшее влияние на психологическое здоровье и в тенденции отрицательно связано (при $p \leq 0,1$) лишь с самоотчужденностью. На первый взгляд, этот результат может показаться удивительным, ведь в этот период жизни человек наиболее чувствителен к домашней среде и ее ресурсам, поскольку дом становится тесно связан с решением таких жизненных задач, как уход и забота о семье, организация уклада жизни, воспитание детей. Поэтому логично, что дом будет играть важную роль в поддержании психологического здоровья. С другой стороны, в ряде исследований было показано, что источниками смысла жизни в этот период

жизни являются вовсе не дом и семья, а саморазвитие и профессиональное совершенствование. Так, например, в сравнительном исследовании иерархии ценностей у молодых семей и у семей после золотой свадьбы было показано, что семья и быт для молодых семей менее значимы, чем работа, в отличие от зрелых людей, у которых ценность семьи наиболее велика [5]. Таким образом, вероятно, люди в возрасте 25–40 лет используют некие другие, «недомашние» ресурсы для поддержания позитивного функционирования, самоактуализации и принятия себя.

Наконец, в период средней зрелости сопряженность привязанности к дому и психологического здоровья вновь возрастает: привязанность к дому связана и становится предиктором чувства связанности и психологического благополучия (при $p \leq 0,05$). При этом привязанность к дому является антипредиктором компонента аутентичности – подверженности средовому влиянию (при $p \leq 0,05$). Эскалация привязанности к среде жизнедеятельности и обострение ее [привязанности] взаимосвязи с психологическим здоровьем и удовлетворенностью жизнью в период средней зрелости уже были показаны в ряде исследований [16; 33]. Усиление зависимости психологического здоровья человека от его отношения к дому в этом возрасте, как нам кажется, связано с несколькими факторами. Во-первых, житейский опыт подсказывает, что к 40–50 годам домашняя среда становится ценна не только и не столько в поддержании функциональных процессов и повседневной деятельности, но также приобретает метафорические смыслы, отражающие жизненный багаж человека – опыт, автобиографические истории и события, связанные с домом, личные достижения, статус. Таким образом, дом становится частью Я, а привязанность к нему позволяет интегрировать все то, чем человек может гордиться и что для него ценно. В свою очередь, самоинтеграция является не только залогом психологического здоровья, но и центральной возрастной задачей развития в поздней зрелости и зрелости. Во-вторых, для человека, многие годы прожившего в своем доме, пространство жизнедеятельности обладает высокой субъективной узнаваемостью, знанием правил жизни в нем, налаженностью социальных местных контактов, что, безусловно, облегчает средовое давление и способствует более эффективному совладанию со стрессом, усталостью, разочарованием и т.п. Именно поэтому неудивительна отрицательная зависимость между привязанностью к дому и подверженностью средовому влиянию.

Заключение

Результаты, описанные в статье, представляют собой первичную и, конечно, не последнюю и требующую уточнения попытку понять, действительно ли близость человека с родным домом способна быть терапевтической и оказывать положительное влияние на самочувствие и функционирование человека.

Итак, мы заключили, что привязанность к дому является ресурсом психологического здоровья; при этом в большей степени привязанность поддерживает жизнестойкость, адаптивность (чувство связанности) и позитивное функционирование личности (психологическое благополучие) и в меньшей – переживание аутентичности. Взаимосвязи между привязанностью к дому и психологическим здоровьем отличаются возрастной лабильностью: наиболее

интенсивны они в пору студенчества (18–24), к периоду ранней взрослости (25–40 лет) становятся несущественными, а к периоду средней взрослости (41–55 лет) снова становятся значимыми. Как уже обсуждалось выше, эту нелинейность взаимосвязей в возрастной перспективе мы ассоциируем с тем, что эти связи вписаны в жизненный контекст эмпирической личности: на каждом жизненном этапе восприимчивость человека к тем или иным ресурсам дома, помогающим решать возрастные задачи развития, неодинакова. Соответственно, любовь к дому и его ценность для человека в разные периоды жизни вносит разный вклад в психологическое здоровье. В этой связи нам представляется важным исследовать механизмы саногенных субъектно-средовых взаимоотношений, учитывая социальную ситуацию развития личности, а также ее смысложизненные ориентации.

Литература

1. *Акопов Г.В., Быкова Н.Л.* Смысложизненные ориентации как психологическая характеристика различных социальных групп / под ред. Г.А. Вайзер, Е.Е. Вахромова // Психологические проблемы смысла жизни и акме. Материалы XI симпозиума / М.: изд-во РАО Психологический институт, 2006. С. 113–116.
2. *Бардадымов В.А.* Аутентичность личности подростков на разных стадиях развития аддиктивного поведения [Текст]: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012. 27 с.
3. *Братусь Б.С.* К проблеме развития личности в зрелом возрасте // Вестник Московского университета. Психология. 1980. Т. 14. № 2. С. 3–12.
4. *Григоренко Е.Ю.* Психологическое благополучие студентов и определяющие его факторы // Проблемы развития территории. 2009. Т. 48. № 2. С. 98–105.
5. *Емилова Г.А.* Опыт экспериментального исследования ценностно-смыслового отношения супругов к семейной жизни // Психологические проблемы смысла жизни и акме. Материалы XI симпозиума / М.: изд-во РАО Психологический институт, 2006. С. 142–144.
6. *Идобаева О.А.* К построению модели исследования психологического благополучия личности: психолого-развитийный и психолого-педагогический аспекты // Вестник Томского государственного университета. № 351. 2011. С. 128–134.
7. *Лийк К.* Использование домашнего пространства, взаимоотношения в семье и удовлетворенность // Социально-психологические основы среднего образования / под ред. Ю. Круусвалла, Т. Нийта, М. Хейдметса. Таллин: ЭООП, 1985. С. 277–280.
8. *Нартова-Бочавер С.К.* Принцип дополнительности в психологии: взаимодействие дома и его обитателей // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / Под ред. М.И. Воловиковой, А.Л. Журавлева, Н.Е. Харламенковой. М.: изд-во Института психологии РАН, 2016. С. 192–213.
9. *Нартова-Бочавер С.К., Резниченко С.И., Брагинец Е.И., Подлипняк М.Б.* Образ реального и идеального дома как модератор позитивного функционирования личности

[Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 9–22. doi:10.17759/sps.2015060402 (дата обращения: 10.07.2016).

10. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А., Буровихина И.А. Паттерны саморегуляции и психологическое благополучие в подростковом возрасте // Личностный ресурс субъекта труда в изменяющейся России. Материалы II Международной научно-практической конференции «Субъект и личность в психологии саморегуляции». Ч. 2. Кисловодск: СевКавГТУ, 2009. С. 266–271.

11. Осин Е.Н. Чувство связности как показатель психологического здоровья и его диагностика // Психологическая диагностика. 2007. № 3. С. 22–40.

12. Пахальян В.Э. Развитие и психологическое здоровье. Дошкольный и школьный возраст. СПб., 2006. 137 с.

13. Резниченко С.И. Механизмы привязанности к жилому пространству у детей младшего школьного возраста // Актуальные проблемы психологического знания. 2013. № 2. С. 24–39.

14. Резниченко С.И. Привязанность к месту и чувство места: модели и феномены // Социальная психология и общество. 2014. № 3. С. 15–27.

15. Резниченко С.И. Роль феномена привязанности к домашней среде в поддержании психологического благополучия // Психология и современный мир: материалы Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Вып. 8. Ч. 1. Архангельск: САФУ, 2015. С. 278–281.

16. Резниченко С.И. Феноменология привязанности к дому в разные возрастные периоды: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2016. 29 с.

17. Резниченко С.И., Нартова-Бочавер С.К., Кузнецова В.Б. Метод оценки привязанности к дому // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 3. В печати.

18. Смолова Л.В. Введение в психологию взаимодействия с окружающей средой. СПб.: Речь, 2008. 380 с.

19. Хейдметс М. Феномен персонализации среды: теоретический анализ // Средовые условия групповой деятельности / Под ред. Х. Миккина. Таллин: ЭООП, 1988. С. 5–15.

20. Хухлаева О.В. Основы психологического консультирования и психологической коррекции: Учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2001, 140 с.

21. Шувалов А.В. Психологическое здоровье в свете христианского мировоззрения // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 3. С. 50–82.

22. Azevedo A., Custódio M., Perna F. “Are you happy here?": the relationship between quality of life and place attachment // Journal of Place Management and Development. 2013. Vol. 6. № 2. Pp. 102–119.

23. Bartholomew K., Horowitz L.M. Attachment styles among young adults: A test of a four category model // Journal of Personality and Social Psychology. 1991. Vol. 61. № 2. Pp. 226–244.

24. *Billig M.* Is my home my castle? Place attachment, risk perception, and religious faith // *Environment and Behavior*. 2006. Vol. 38. № 2. Pp. 248–265.
25. *Brown B.B., Perkins D., Brown G.* Place attachment in a revitalizing neighborhood: individual and block levels of analysis // *Journal of Environmental Psychology*. 2003. Vol. 23. Pp. 259–271.
26. *Dinç P.* Gender difference in private offices: A holistic approach for assessing satisfaction and personalization // *Journal of Environmental Psychology*. 2009. Vol. 29. № 1. Pp. 53–62.
27. *Fiese B., Tomcho T., Douglas M., Josephs K., Poltrock S., Baker T.* A Review of 50 Years of Research on Naturally Occurring Family Routines and Rituals: Cause for Celebration? // *Journal of Family Psychology*. 2002. Vol. 16. № 4. Pp. 381–390.
28. *Forsberg-Warleby G., Moller A., Blomstrand C.* Spouses of first-ever stroke victims: sense of coherence in the first phase after stroke // *J Rehabil Med*. 2002. Vol. 34. Pp. 128–133.
29. *Fried M.* Continuities and discontinuities of place // *Journal of Environmental Psychology*. 2000. Vol. 20. Pp. 193–205.
30. *Giuliani M.V.* Theory of attachment and place attachment / M. Bonnes, T. Lee, M. Bonaiuto (Eds.) // *Psychological Theories for Environmental Issues*. Hants: Ashgate Publishing Limited, 2003. Pp. 137–170.
31. *Havighurst R.J.* *Developmental Tasks and Education* (3rd ed.) // New York: David McKay Company, 1972. 334 p.
32. *Hidalgo M.C., Hernandez B.* Place attachment: conceptual and empirical questions // *Journal of Environmental Psychology*. 2001. Vol. 21. Pp. 273–281.
33. *Kilinç M.* Institutional Environment and Place Attachment as Determinants of Elders' Life Satisfaction. Thesis of Middle East Technical University. Ankara: Middle East Technical University, 2006. 92 p.
34. *Korpela K.* Place-identity as a product of environmental self-regulation // *Journal of Environmental Psychology*. 1989. Vol. 9. Pp. 241–256.
35. *Lawton M.P., Nahemow L.* Ecology of the aging process / C. Eisdorfer, M. Lawton (Eds.) // *The psychology of adult development and aging*. Washington, DC: American Psychological Association, 1973. Pp. 619–674.
36. *Manzo L.C.* For better or worse: exploring multiple dimensions of place meaning // *Journal of Environmental Psychology*. 2005. Vol. 25. Pp. 67–86.
37. *Morgan P.* Towards a developmental theory of place attachment // *Journal of Environmental Psychology*. 2010. Vol. 30. № 1. Pp. 11–22.
38. *Sommer R.* *Personal Space: The Behavioral Basis of Design*. New Jersey: Englewood Cliffs, 1969. 177 p.
39. *Tennant R., Hiller L., Fishwick R., Platt S., Joseph S., Weich S., Parkinson J., Secker J., Stewart-Brown S.* The Warwick-Edinburgh Mental Well-being Scale (WEMWBS):

development and UK validation [Электронный ресурс] // Health and Quality of Life Outcomes. 2007. Vol. 5. № 63. URL: <http://www.hqlo.com/content/5/1/63> (дата обращения: 10.08.2016).

40. *Turnbull C.* The forest people // New York: Touchstone, 1987. 320 p.

41. *Twigger-Ross C.L., Uzzell D.* Place and identity processes // Journal of Environmental Psychology. 1996. Vol. 16. Pp. 205–220.

42. *Wood A.M., Linley P.A., Maltby J., Baliousis M., Joseph S.* The authentic personality: A theoretical and empirical conceptualization and the development of the Authenticity Scale // Journal of Counseling Psychology. 2008. Vol 55. № 3. Pp. 385–399.

Valeological Potential of Home Attachment in Adults¹

Reznichenko, S.I.,

PhD (Psychology), research fellow, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, sofya_292@list.ru

---

The article focuses on the role of subject-environment interactions, namely, human relationship with home environment, in maintaining mental health of a person. As a key construct that reflects personal preferences and love toward home it is proposed to consider the phenomenon of home attachment. Until now, the relationship between home attachment and psychological health and, moreover, the analysis of these relationships in the context of life course has been the subject of theoretical constructions, that prove the benefit of their empirical research. Home attachment was measured with the author's same name questionnaire (Reznichenko et al., 2016). There were also measured mental health and its components: psychological well-being (using the Warwick-Edinburgh Mental Wellbeing Scale of R. Tennant and colleagues), a sense of connectedness (Sense of Coherence scale developed by A. Antonovsky) and authenticity (the Authenticity Scale by A. Wood, et al.). Adult respondents (N=203; age range 18-60 years; $M_{age}=33.7$; $SD_{age}=7.2$) were participated in the study; the sample was divided into three age groups: youth age, early adulthood and middle adulthood. The obtained results allowed concluding that home attachment is a resource of mental health, especially in maintaining a sense of coherence and psychological well-being. It was found that the relationship between home attachment and psychological health is age-specific: the strongest correlations are observed in youth, they become insignificant in early adulthood, and in middle adulthood they become significant again. The results are discussed in the context of life and age-related problems of personality development.

Keywords: home attachment, home environment, psychological health, a sense of coherence, psychological well-being, authenticity.

References

1. Akopov, G.V., Bykova, N.L. Smyslozhiznennye orientacii kak psihologicheskaja karakteristika razlichnyh social'nyh grupp [Meaning Orientation as a Psychological Characteristic of Different Social Groups]. In G.A. Vajzer, E.E. Vahromova (eds.) *Psihologicheskie problemy smysla zhizni i akme. Materialy XI simpoziuma [Psychological problems of the meaning of life and acme. Materials XI Symposium]*. Moscow: publ. RAO Psihologicheskij institut, 2006, pp. 113–116.

---

¹ The research was conducted with the assistance of the Russian Science Foundation (project № 14-18-02163).

2. Bardadymov, V.A. Autentichnost' lichnosti podrostkov na raznyh stadijah razvitija addiktivnogo povedeniya: Avtoref. dis. na soisk. uch. stepeni kand. psihol. Nauk [The Authenticity of the Identity of Teenagers in Various Stages of Development of Addictive Behavior. PhD Thesis]. Moscow, 2012. 27 p.
3. Bratus', B.S. K probleme razvitija lichnosti v zreлом vozraste [To a Problem of Personality Development in Adulthood]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Psihologija [Bulletin of Moscow University. Psychology]*, 1980, vol. 14, no. 2, pp. 3–12.
4. Grigorenko, E.Ju. Psihologicheskoe blagopoluchie studentov i opredelajushhie ego factory [Psychological Well-Being of Students and its Determinants]. *Problemy razvitija territorii [Problems of development of the territory]*, 2009, vol. 48, no. 2, pp. 98–105.
5. Emilova, G.A. Opyt jeksperimental'nogo issledovanija cennostno-smyslovogo otnosheniya suprugov k semejnoy zhizni [The Experimental Study of Value-Semantic Relations of Spouses to Family Life]. In *Psihologicheskie problemy smysla zhizni i akme. Materialy XI simpoziuma [Psychological problems of the meaning of life and acme. Materials XI Symposium]*. Moscow: publ. RAO Psihologicheskij institut, 2006, pp. 142–144.
6. Idobaeva, O.A. K postroeniju modeli issledovanija psihologicheskogo blagopoluchija lichnosti: psihologo-razvitijnyj i psihologo-pedagogicheskij aspekty [To Build a Model Study of Psychological Well-Being of the Person: Psychological, Developmental and Psycho-Pedagogical Aspects]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State University]*, 2011, no. 351, pp. 128–134.
7. Lijk, K. Ispol'zovanie domashnego prostranstva, vzaimootnosheniya v sem'e i udovletvorennost' [Using Home Space, Family Relationships and Satisfaction]. In *Ju. Kruusvall, T. Nijt, M. Hejdmets Social'no-psihologicheskie osnovy sredooobrazovanija [Socio-psychological Bases of Environmental Forming]*. Tallin: JeOOP, 1985, pp. 277–280.
8. Nartova-Bochaver, S.K. Princip dopolnitel'nosti v psihologii: vzaimodejstvie doma i ego obitatelej [The Principle of Complementarity in Psychology: the Interaction of the House and its Inhabitants]. In *M.I. Volovikova, A.L. Zhuravlev, N.E. Harlamenkova (eds.) Psihologicheskie issledovanija lichnosti: istorija, sovremennoe sostojanie, perspektivy [Psychological Study of Personality: History, Current State and Prospects]*. Moscow: publ. Institut psihologii RAN, 2016, pp. 192–213.
9. Nartova-Bochaver, S.K., Reznichenko, S.I., Braginec, E.I., Podlipnjak, M.B. Obraz real'nogo i ideal'nogo doma kak moderator pozitivnogo funkcionirovanija lichnosti [The Image of the Real and the Ideal Home as a Moderator of Positive Functioning of the Personality]. *Social'naja psihologija i obshhestvo [Social Psychology and Society]*, 2015, vol. 6, no. 4, pp. 9–22. doi:10.17759/sps.2015060402 [Accessed: 10.07.2016].
10. Osin, E.N. Leont'ev, D.A. Burovihina, I.A. Patterny samoreguljatsii i psihologicheskoe blagopoluchie v podrostkovom vozraste [Patterns of Self-Control and Psychological Well-Being in Adolescence]. In *Lichnostnyj resurs sub'ekta truda v izmenjajushhejsja Rossii. Materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Sub'ekt i lichnost' v psihologii samoreguljatsii» [Personal Resources of the Subject in a Changing Russia. Proceedings of the II International Scientific-Practical Conference "The Subject and the*

Identity of Psychology of Self-Control"]. Kislovodsk: publ. SevKavGTU, 2009, vol. 2, pp. 266–271.

11. Osin, E.N. Chuvstvo svjaznosti kak pokazatel' psihologicheskogo zdorov'ja i ego diagnostika [The Sense of Coherence as an Indicator of Mental Health and its Diagnosis]. *Psihologicheskaja diagnostika [Psychological Diagnostics]*, 2007, vol. 3, pp. 22–40.

12. Pahal'jan, V.Je. Razvitie i psihologicheskoe zdorov'e. Doshkol'nyj i shkol'nyj vozrast [The Development and Mental Health. Preschool and School Age]. St. Petersburg, 2006. 137 p.

13. Reznichenko, S.I. Mehanizmy privjazannosti k zhilomu prostranstvu u detej mladshogo shkol'nogo vozrasta [Mechanisms of Attachment to Living Space at Primary School Age Children]. *Aktual'nye problemy psihologicheskogo znanija [Actual Problems of Psychological Knowledge]*, 2013, no. 2, pp. 24–39.

14. Reznichenko, S.I. Privjazannost' k mestu i chuvstvo mesta: modeli i fenomeny [Attachment to the Place and a Sense of Place: Models and Phenomena]. *Social'naja psihologija i obshhestvo [Social Psychology and Society]*, 2014, no. 3, pp. 15–27.

15. Reznichenko, S.I. Rol' fenomena privjazannosti k domashnej srede v podderzhanii psihologicheskogo blagopoluchija [The Role of the Phenomenon of Attachment to Home Environment in Maintenance of Psychological Well-Being]. In *Psihologija i sovremennij mir: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh [Psychology and the Modern World: Proceedings of the Scientific Conference of students and young scientists]*. Arhangel'sk: publ. SAFU, 2015, vol. 8, p. 1, pp. 278–281.

16. Reznichenko, S.I. Fenomenologija privjazannosti k domu v raznye vozrastnye periody: avtoref. dis. ... kand. psihol. Nauk [Phenomenology of Home Attachment in Different Age Periods. PhD. Thesis]. Moscow, 2016. 29 p.

17. Reznichenko, S.I., Nartova-Bochaver, S.K., Kuznecova, V.B. Metod ocenki privjazannosti k domu [Method of Estimation of Home Attachment]. *Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki [Psychology. Journal of Higher School of Economics]*, 2016, no. 3. In Press.

18. Smolova, L.V. Vvedenie v psihologiju vzaimodejstvija s okruzhajushhej sredoj [Introduction to the Psychology of Interaction with the Environment]. St. Petersburg: Rech', 2008. 380 p.

19. Hejdmets, M. Fenomen personalizacii sredy: teoreticheskij analiz [Phenomenon of Environmental Personalization: Theoretical Analysis] In H. Mikkin (ed.) *Sredovye uslovija gruppovoj dejatel'nosti [Environmental Conditions for the Group Interactions]*. Tallin: JeOOP, 1988, pp. 5–15.

20. Huhlaeva, O.V. Osnovy psihologicheskogo konsul'tirovanija i psihologicheskoi korekcii [Fundamentals of Psychological Counseling and Psychological Correction]. Moscow: Akademiya, 2001.

21. Shuvalov, A.V. Psihologicheskoe zdorov'e v svete hristianskogo mirovozzrenija [Psychological Health in the Light of the Christian Worldview]. *Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal [Moscow Psychotherapeutic Journal]*, 2009, no. 3, pp. 50–82.
22. Azevedo, A., Custódio, M., Perna, F. “Are you happy here?": the Relationship Between Quality of Life and Place Attachment. *Journal of Place Management and Development*, 2013, vol. 6, no. 2, pp. 102–119.
23. Bartholomew, K., Horowitz, L.M. Attachment Styles Among Young Adults: a Test of a Four Category Model. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1991, vol. 61, no. 2, pp. 226–244.
24. Billig, M. Is My Home My Castle? Place Attachment, Risk Perception, and Religious Faith. *Environment and Behavior*, 2006, vol. 38, no. 2, pp. 248–265.
25. Brown, B.B., Perkins, D., Brown, G. Place Attachment in a Revitalizing Neighborhood: Individual and Block Levels of Analysis. *Journal of Environmental Psychology*, 2003, vol. 23, pp. 259–271.
26. Dinç, P. Gender Difference in Private Offices: A Holistic Approach for Assessing Satisfaction and Personalization. *Journal of Environmental Psychology*, 2009, vol. 29, no. 1, pp. 53–62.
27. Fiese, B., Tomcho, T., Douglas, M., Josephs, K., Poltrock, S., Baker, T. A Review of 50 Years of Research on Naturally Occurring Family Routines and Rituals: Cause for Celebration? *Journal of Family Psychology*, 2002, vol. 16, no. 4, pp. 381–390.
28. Forsberg-Warleby, G., Moller, A., Blomstrand, C. Spouses of First-Ever Stroke Victims: Sense of Coherence in the First Phase After Stroke. *J Rehabil Med*, 2002, vol. 34, pp. 128–133.
29. Fried, M. Continuities and Discontinuities of Place. *Journal of Environmental Psychology*, 2000, vol. 20, pp. 193–205.
30. Giuliani, M.V. Theory of Attachment and Place Attachment. In M. Bonnes, T. Lee, M. Bonaiuto (eds.) *Psychological Theories for Environmental Issues*. Hants: Ashgate Publishing Limited, 2003, pp. 137–170.
31. Havighurst, R.J. *Developmental Tasks and Education* (3rd ed.). New York: David McKay Company, 1972. 334 p.
32. Hidalgo, M.C., Hernandez, B. Place Attachment: Conceptual and Empirical Questions. *Journal of Environmental Psychology*, 2001, vol. 21, pp. 273–281.
33. Kiliç, M. Institutional Environment and Place Attachment as Determinants of Elders' Life Satisfaction. Thesis of Middle East Technical University. Ankara: Middle East Technical University, 2006. 92 p.
34. Korpela, K. Place-identity as a Product of Environmental Self-Regulation. *Journal of Environmental Psychology*, 1989, vol. 9, pp. 241–256.

35. Lawton, M.P., Nahemow, L. Ecology of the Aging Process. In C. Eisdorfer, M. Lawton (eds.) *The Psychology of Adult Development and Aging*. Washington, DC: American Psychological Association, 1973, pp. 619–674.
36. Manzo, L.C. For Better or Worse: Exploring Multiple Dimensions of Place Meaning. *Journal of Environmental Psychology*, 2005, vol. 25, pp. 67–86.
37. Morgan, P. Towards a Developmental Theory of Place Attachment. *Journal of Environmental Psychology*, 2010, vol. 30, no. 1, pp. 11–22.
38. Sommer, R. *Personal Space: The Behavioral Basis of Design*. New Jersey: Englewood Cliffs, 1969. 177 p.
39. Tennant, R., Hiller, L., Fishwick, R., Platt, S., Joseph, S., Weich, S., Parkinson, J., Secker, J., Stewart-Brown, S. The Warwick-Edinburgh Mental Well-being Scale (WEMWBS): Development and UK Validation [Web source]. *Health and Quality of Life Outcomes*, 2007, vol. 5, no. 63. URL: <http://www.hqlo.com/content/5/1/63> (Accessed: 10.08.2016).
40. Turnbull, C. *The Forest People*. New York: Touchstone, 1987. 320 p.
41. Twigger-Ross, C.L., Uzzell, D. Place and Identity Processes. *Journal of Environmental Psychology*, 1996, vol. 16, pp. 205–220.
42. Wood, A.M., Linley, P.A., Maltby, J., Baliousis, M., Joseph, S. The Authentic Personality: a Theoretical and Empirical Conceptualization and the Development of the Authenticity Scale. *Journal of Counseling Psychology*, 2008, vol. 55, no. 3, pp. 385–399. .